

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ УКРАИНЫ
ХАРЬКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
имени Г.С.СКОВОРОДЫ

На правах рукописи

СЕМЧУК ЕЛИМ ОЛЕГОВНА

"ЧУЖОЕ СЛОВО" В ПОЭТИКЕ ОСИПА МАНДЕЛЬШТАМА

Специальность Ю.01.01. – русская литература

А в т о р е ф е р а т

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Харьков – 1992

Работа выполнена в Харьковском государственном педагогическом институте им. Г.С.Сковороды.

Научный руководитель - кандидат филологических наук, доцент Обухова Э.А.

Официальные оппоненты : доктор филологических наук, профессор Гиришман М.М.

кандидат филологических наук, доцент Поборчая И.П.

Ведущая организация - Херсонский государственный педагогический институт.

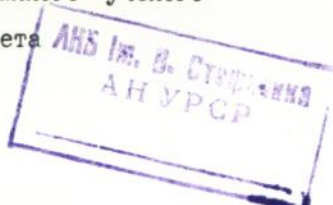
Защита состоится 24 декабря 1992 года в 14 часов на заседании специализированного совета К 113.24.01. по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата филологических наук при Харьковском государственном педагогическом институте им. Г.С.Сковороды (310078, г. Харьков, ул. Чернышевского, 60).

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Харьковского государственного педагогического института им. Г.С.Сковороды.

Автореферат разослан "24" ноября 1992 года

Ученый секретарь
специализированного ученого
совета

В.С.Приходько

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Объектом диссертационного исследования является цитатность как специфическая черта поэтики О.Э.Мандельштама.

Известно, что Мандельштам – достаточно сложный для читательского восприятия поэт. В значительной степени это обусловлено тем, что в его произведениях встречается большое количество явных и скрытых цитат, реминисценции, аллюзии, других видов "чужого слова", без понимания места и значения которых структуре произведения невозможно осуществить его целостное прочтение. В "цитатном" фоне произведения Мандельштама можно выделить несколько пластов: цитаты, репрезентирующие мир античности; библеизмы; цитаты из произведений западно-европейской литературы; наконец, цитаты из глобального подтекста – русской классической литературы, функционирование которых в поэзии Мандельштама и изучается в рамках настоящего исследования.

Актуальность темы диссертации. Изучение "чужого слова" в поэтике Мандельштама необходимо:

- для анализа отдельных произведений: "чужое слово" мотивирует или расширяет семантику данного стихотворения, выяснение функции цитаты способствует более глубокому проникновению в замысел автора;
- для раскрытия культурологических представлений поэта, воссоздания его модели культуры;
- для определения важнейших мировоззренческих принципов Мандельштама.

Все это, в конечном итоге, ведет к решению одной из основных задач современного мандельштамоведения – целостное изучение художественного мира Мандельштама. Познавание же основных эстетических закономерностей его поэзии имеет большое значение для понимания судеб русского модернизма в целом.

Проблема изучения "чужого слова" в поэзии Мандельштама привлекла к себе внимание многих исследователей. Концепцию цитатности поэтического текста и метод сквозного выявления реминисценций разработал на примере творчества Мандельштама выдающийся американский филолог К.Ф.Тарановский¹. Идеи Тарановского К.Ф. нашли развитие в работах его учеников и последователей: С.Бройда, О.Роена, В.А.Толдеса, Г.А.Левинтона, Р.Д.Тименчика и др.(см.с.2)

¹ Taranovsky K. Essays on Mandel'stam. - Cambridge, Mass., 1976.

Цитаты в поэтическом языке Манделъштама интересовали и представителей так называемого традиционного литературоведения. Работы Л.Я.Гинзбург, И.М.Семенко, В.В.Мусатова, В.С.Баевского, С.Ф.Кузьминой и др. содержат важнейшие наблюдения над генезисом тех или иных образов Манделъштама².

Несмотря на наличие этих и других исследований, комплексное изучение цитатности Манделъштама ещё не осуществлено. Оно требует сочетания генетического и функционального методов, более углубленного исследования подтекстов отдельных произведений наряду с определением общих закономерностей использования Манделъштамом "чужого слова".

Целый ряд подтекстов в поэзии Манделъштама не являлся предметом специального изучения. Выявление цитат и реминисценций носило в большинстве случаев чисто регистрационный характер. Всё это определяет необходимость обращения к данной теме и нового, более полного и глубокого её освещения.

Целью данной диссертации является изучение роли, места и значения цитат и реминисценций в поэтической системе Манделъштама. Поставленная цель обусловила необходимость решения следующих задач:

- 1) Обобщение, систематизация и критическое осмысление имеющегося в науке опыта по изучению цитатности Манделъштама.
- 2) Изучение цитатности не только как элемента структуры, но и как темы поэтических произведений Манделъштама
- 3) Целостный анализ произведений Манделъштама с установленными в науке подтекстами, выявление не отмеченных ранее цитат и определение их семантической функции.

В ходе исследования требовалось упорядочить научную терминологию в области изучения цитатности как явления поэтики.

¹ Brojde S.: *Osip Mandel'stam's "Našedšij podkovu"* // *Slavic Poetics*, - The Hague-Paris, 1973; Ronen O. *An approach on Mandel'stam*. - Jerusalem, 1983; Тодлес Е.А., Манделъштам и Тютчев // *International Journal of Slavic Linguistics and Poetics*. - 1974. - Vol. XVII, p. 59-65; Мелитон Л.А. "На каменных отрогах Пизерии..." Манделъштама: материалы к анализу // *Russian Literature*. - Vol. 5. - No. 2. - P. 123-171; No. 3. - P. 201-239 и другие работы.

² Гинзбург Л.Я. О лирике. - Л.: Сов. писатель, 1974. - С. 368-367; Семенко И.М. Поэтика позднего Манделъштама. - Рим, 1986; Мусатов В.В. К проблеме поэтического генезиса Манделъштама. // *Жизнь и творчество О.Э. Манделъштама*. - Воронеж, 1990. - С. 438-452; Баевский В.С. На луна, а цитерлат/Из наблюдений над поэтикой О. Манделъштама // *Жизнь и творчество О.Э. Манделъштама*. - Воронеж, 1990. - С. 314-322 и др.

Новизна работы заключается в диалогическом рассмотрении актуальных для Манделъштама источников и в комплексном сочетании функционального и генетического подходов, а также в фиксации ряда не указанных прежде цитат и попытке целостной интерпретации не анализировавшихся ранее стихотворений на их основе. В диссертации впервые специально рассмотрены державинский, баткишковский, сологубовский подтексты в творчестве Манделъштама. Внесены существенные дополнения в изучение тем "Манделъштам и Тютчев", "Манделъштам и Некрасов", "Манделъштам и Анненский".

Диссертационное исследование основывается на сочетании структурно-семантического, контекстуального, функционального и генетического методов.

Практическое значение данного исследования определяется тем, что его материалы могут содействовать обогащению вузовских курсов по истории и теории русской литературы, будут полезны при чтении спецкурсов, проведении спецсеминаров, при изучении русской литературы в средней школе.

Апробация диссертации. Результаты изучения отдельных разделов были изложены и обсуждены на заседаниях кафедры русской и зарубежной литературы Харьковского государственного педагогического института им. Г.С.Сковороды, а также на Четвертом межвузовском семинаре "Пространство и время в литературе и искусстве" (апрель 1991 г. - Даугавпилс), научной межвузовской конференции "Воронежский период в жизни и творчестве О.С.Манделъштама" (май 1991 г. - Воронеж), на научно-практических конференциях 1990 и 1991 гг. ХПИ им. Г.С.Сковороды.

По теме диссертации опубликовано 5 работ.

Структура диссертации. Работа состоит из введения, трёх глав, заключения и списка использованной литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении выделяются и кратко характеризуются основные направления в манделъштамоведении, обосновывается актуальность темы исследования, даётся обзор литературы, определяются цели и задачи работы, раскрывается научная новизна и возможность практического применения результатов диссертации.

В I главе "Проблемы цитатности в творчестве Манделъштама" раскрываются причины широкого использования "чужого слова" в произведениях поэта.

Мандельштам творил в рамках постсимволизма, для которого характерно включение ранее существовавших текстов в новые художественные структуры как равноправных элементов. Весь мир для первых русских постсимволистов был текстом, каждый элемент которого существовал отраженным в культуре. Несомненно, такое отношение к миру и культуре у каждого поэта было обусловлено особыми предпосылками, характерными лишь для него одного.

В случае Мандельштама одна из причин широкого использования "чужого слова" была биографического характера. Поэт стремился уйти от той традиции, которая стояла за семейным укладом, и ориентировался на общечеловеческие ценности мировой культуры.

Другой, не менее важной причиной, был тот факт, что Мандельштам как поэт сформировался в символистском кругу, а не в кругу представителей реалистических течений. Символисты воспринимали жизнь опосредованно, сквозь призму культурных ценностей. Мандельштам, несомненно, вбирал их опыт по освоению культурного наследия, но использование "чужого слова" определялось у него иными мировоззренческими категориями.

Как представляется, формирование поэтики цитатности у Мандельштама связано с его концепцией времени. В главе отмечаются основные черты доминантной модели временных представлений поэта. Эта модель может быть названа "статической" (по классификации Ю.Б.Молчанова). Согласно ей, "нет никакой разницы в смысле статуса реального существования между событиями прошлого, настоящего и будущего. Все они существуют реально и, если можно так выразиться, одновременно".¹ Отличительной чертой модели времени у Мандельштама было органическое соединение, творческая переработка тех бытовавших в культурной, философской, религиозной традициях взглядов на проблему времени, которые могли быть подведены под статическую концепцию. В модификациях своих мандельштамовская концепция времени восходит:

- 1) к циклическому времени античной философии (отсюда - представление Мандельштама о совершающемся круговороте в жизни слова и культуры; мотив узнавания: "Все было встарь, все повторится снова, / И сладок нам лишь узнаванья миг");
- 2) к христианским представлениям о времени и вечности, отразившимся в идее рас-

¹ Молчанов Ю.Б. Проблема времени и диалектика // Вопросы философии. - 1975. - № 8. - С.81-91.

смотрения культуры в поперечном разрезе времени (это делало возможным "диалог в вечности"); 3) к бергсоновской идее длительности, позволяющей видеть вечное в каждом миге настоящего. А поскольку настоящее, по статическому концепции времени, — это момент встречи сознания с событием прошлого или будущего, то писатель любой эпохи может стать современником автора. Цитаты и реминисценции при такой позиции функционируют как части диалога.

В главе делается вывод, что цитатность, сформировавшаяся у Мандельштама отчасти вследствие определенных представлений о времени, является одной из форм существования хронотопа. Тема "чужого слова" была актуальной для всех периодов творчества Мандельштама. В главе анализируется ряд произведений поэта, поднимающих эту тему: "Я не слышал рассказов Оссиана...", "Слово и культура", "Разговор о Данте".

Категория диалога была центральной в решении темы "чужого слова" у Мандельштама. Это совпадает с определенными выводами современных ученых типом интерлитературной цитатности в акмеизме — диалогическим.

Глава II "Рецепция поэтов XIX в. в творчестве Мандельштама" состоит из 6 параграфов.

В первом параграфе "Мандельштам и Державин" рассматривается функция державинских цитат и аллюзий в наследии Мандельштама. К Державину Мандельштам обращался наиболее часто в 1916—1923 гг. В творчестве Мандельштама получила отклик анакреонтическая лирика Державина и произведения, проникнутые глобальной державинской темой — темой времени. В исследовании отмечается, что цитирование анакреонтики Державина в "крымско-эллинистическом" (Ю.И. Левин) цикле позволило Мандельштаму акцентировать идею взаимосвязи русской и европейской культур, их возникновения из единого источника. Особое место в творческом сознании Мандельштама принадлежат предсмертному державинскому восьмистишию "Река времен в своем стремлении...". В параграфе рассматривается мандельштамовская интерпретация этих строк в статьях "Слово и культура", "Деятнадцатый век". Известно, что "Река времен" послужила одним из импульсов к написанию "Грифельной оды" Мандельштама (Л.Я. Гинзбург).

В диссертации критически осмыслены результаты различных исследований генезиса и семантики этого стихотворения, сделаны

обобщающие выводы о роли державинского подтекста в нем. Трагизм послереволюционной эпохи обострил у Манделъштама ощущение бренности, скоротечности бытия. Философская поэзия Державина была особо созвучна ему в это время. В параграфе также сделан и сентиментический анализ державинских цитат в стихотворениях "С веселым ржанием пасутся табуны...", "Соломинка", "Когда в ветвях понурых...". В заключение анализируется фрагмент "Стихов о русской поэзии", где возникает образ самого Державина. Предлагается интерпретация данных ему Манделъштамом характеристик и делается вывод, что Державин всегда оставался для Манделъштама актуальным поэтом.

Во втором параграфе рассматривается роль Батшкова и Баратынского в поэтическом сознании Манделъштама.

Образ Батшкова появляется в стихотворении Манделъштама "Нет, не луна, а светлый циферблат..." и в более позднем "Словно гулька с волшебной тростью...". Оба эти стихотворения изобилуют цитатами и аллюзиями на различные тексты Батшкова и вне-текстовые реалии, связанные с ним. В параграфе указаны подтексты для некоторых строк и образы "Батшкова", а также для раннего манделъштамовского стихотворения "Есть целомудренные чары...". Рассмотрены найденные другими исследователями цитаты в "Нашедшем подкову", "Tristia". Знаменательно, что образ Батшкова или аллюзия на него появляются в основном в тех стихотворениях Манделъштама, где проводится тема диалога культур, круговорота, "вечного возвращения" к культуре. Это доказывает, что в творчестве Батшкова Манделъштам находил один из прецедентов собственного отношения к "чужому слову".

С Баратынским в сознании Манделъштама связывалась тема высокой нравственности поэзии и ее направленности к "провиденциальному собеседнику". Стихотворение Баратынского "Мой дар убог, и голос мой негромок..." является подтекстом манделъштамовского образа "читатели в потомстве" (статья "О собеседнике"). Манделъштам наполнил этот образ новым, более широким содержанием, отчасти символизировал. Подтексты строк о Баратынском в стихотворении "Дайте Тютчеву стрекозу..." установлены Омри Роненом; его анализ показывает, что поэзия Баратынского нацелялась Манделъштамом такими характеристиками, как чистота, честность.

В третьем параграфе, посвященном Пушкину, указано, что большинство пушкинских цитат у Манделъштама уже выявлены ис-

следователями, их семантические функции определены. Поэтому задачей параграфа было определение общих закономерностей цитирования Пушкина Мандельштамом, в определенном смысле, подведение итогов темы. В исследовании выделены основные периоды в творчестве Мандельштама, когда Пушкин цитировался особенно часто. Определена сфера цитации. Указаны основные темы, вводимые в семантику произведений цитированием Пушкина: жизнь и смерть в экзистенциальном аспекте, стихийное в истории, связь русской и европейской культур, место поэта в мире. Отмечено, что нефункциональных пушкинских цитат (заимствований) в поэзия Мандельштама не встречается; все цитаты включены в семантическую структуру стихотворений.

Тема "Мандельштам и Лермонтов", рассматривающаяся в четвертом параграфе, отдельно еще не изучалась, хотя к ней обращались многие исследователи. Среди произведений Мандельштама со следами лермонтовского влияния можно выделить три, в которых цитаты из Лермонтова мотивируют семантику всего стихотворения: "Концерт на вокзале", "Трифельная ода", "Стихи о неизвестном солдате". В "Концерте на вокзале" и "Стихах о неизвестном солдате" Мандельштам ведет поэтическую полемику с Лермонтовым, противопоставляя его гармоничному космосу мертвенность, разединенность мироздания. В "Трифельной оде" желание поэта "вложить пероты / В кремнистый путь из старой песни" означает, по нашему мнению, стремление Мандельштама пройти путем духовных исканий Лермонтова, примерить этот путь к своей судьбе, постичь при помощи собственного опыта.

В работе указана ранее не отмеченная реминисценция из Лермонтова в стихотворении "Раковина", дан её семантический анализ. Делается вывод, что Мандельштам обращался к Лермонтову в самых трагических своих стихотворениях. В мандельштамовской модели культуры Лермонтов занимает место пророка и ясновидца, поэта космических тем и космических масштабов. В центре диалога Мандельштама с Лермонтовым — вопросы метафизического, онтологического характера. Примечательно, что наиболее полным выражением лермонтовской модели мира Мандельштам считает "Вхожу одян я на дорогу"; возможно, именно поэтому это стихотворение неоднократно цитируется Мандельштамом.

Пятый параграф посвящен поэтическим связям Мандельштама с Тютчевым. Ранний Мандельштам обращался к Тютчеву при решении

вопросов натурфилософского и экзистенциального характера: о человеке, природе, свободе, отчасти при решении темы творчества ("Слух чуткий парус напрягает...", "Воздух пасмурный влажен и гулок...", "Silentium", "Раковина" и др.). В работе сделан анализ стихотворения "Silentium" с точки зрения функционирования в нем различных видов "чужого слова". Стихотворение это основано на ритмико-композиционной реминисценции из "art poétique" Верлена, но своим названием напоминает об одноименном стихотворении Тютчева. На примере анализа "Silentium" становится понятным, как Манделштам делал возможным лирический диалог поэтов разных эпох в пространстве собственного творчества.

Основное противоречие, занимающее Манделштама, как и Тютчева, на самом общем, формальном уровне может быть сформулировано как трагическое отпадение части от целого. На тютчевском пантеистском уровне это было коллизией "человек-природа", на уровне символистской философии — проблемой преодоления индивидуализма. В решении поставленных Тютчевым проблем Манделштам шел самобытным путем. Диалог с Тютчевым велся поэтом и по различным вопросам религиозно-церковного характера ("В изголозье Черное Распятье...", "Литерании", "Encyclica"). В параграфе детально анализируется "Литерании" и "Encyclica", рассматриваются приемы, которыми Манделштам вел скрытую полемику с Тютчевым, делается вывод о причинах столь разного отношения поэтов к протестантизму. Подчеркивается, что это стихотворение имеет еще одну полемическую направленность — антисимволистскую ("Мы не пророки, даже не претечи..."). Нам представляется, что Манделштам воспринимал Тютчева как претечу символистов и поэтому полемику с ним часто сочетал с антисимволистской полемикой.

В параграфе делается вывод, что Тютчев был для Манделштама одним из духовных авторитетов в русской поэзии.

В отличие от символистов, Манделштама привлекала в поэзии Тютчева не столько тема хаоса, иррационального в природе и человеческой жизни, сколько идея тесной связи живого и неживого, связи, простекающей из ощущения глубинного родства всего сущего на земле. Целый ряд тютчевских образов органично вошел в творческую ассоциативную память Манделштама, давая жизнь новым образам и поэтическим идеям. Некая глубинная общность наблюдается в отношении обоих поэтов к "чужому слову". Сходные

принципы поэтики Мандельштама и Тютчева позволяют, как нам кажется, считать Тютчева по отношению к Мандельштаму поэтом-"катализатором", заставляющим искать собственные решения поставленных в его творчестве проблем. Тютчевское слово в поэзии Мандельштама выступает в следующих функциях: 1. С точки зрения генетической оно выступает как знак определенной литературы, автора и т.д. (узнавание): стихотворения "Silentium", "Слух чуткий парус напрягает...", "Раковина", "Лютерания", "Encyclica". 2. С точки зрения семантико-прагматической тютчевское слово всегда выступает как реплика диалога.

В шестом параграфе рассматриваются некрасовский и фетовский подтексты в творчестве Мандельштама. Проблема "Мандельштам и Некрасов" отчасти изучена, поэтому целесообразно было остановить внимание на мало исследованных ее аспектах. В главе указана некрасовская цитата в "Посохе" Мандельштама, прокомментирован фрагмент о Некрасове в "Записных книжках" поэта. Дана новая интерпретация строк из стихотворения Мандельштама "Квартира тиха, как бумага...", "Как будто вколачивал гвозди / Некрасова здесь молоток". Макроконтестуальный анализ показывает, что "вколачивание гвоздей" на языке Мандельштама означает назойливую прямолинейность поэтических идей и образов, их одномерность, однозначность, сухую аллегоричность. В "Квартира" это негативное определение отнесено к Некрасову, так как в это время он воспринимался Мандельштамом как предтеча поэтов, выполняющих социальный заказ при помощи повторения расхожих идей и оперирования однозначными образами. Некрасов стал на какое-то время в сознании Мандельштама носителем внешней, поясняющей образности. Возможно, это было связано и с неприятием некоторых элементов некрасовской поэтики. В параграфе отмечается, что в этом фрагменте явно прослеживается представление Мандельштама о неразрывной связи этической и эстетической сторон поэзии. Настоящая поэзия несет в себе заряд высшей правды. Она неизбежно будет обладать "орудийностью". Низкопробная поэзия - это "вколачивание гвоздей", халтура ("халтурные стены" в последней строфе стихотворения) и зло.

В какой-то мере антиподом Некрасова по оси социальность--асоциальность в русской поэзии XIX века был Фет. Известно, что поэзия Фета послужила подтекстом некоторых мандельштамовских образов, но в целом можно сказать, что Фет был для Мандель-

штама прежде всего мастером звукописи ("Заметки о поэзии"). Слишком интимный мир поэта, как и предельная социальность Некрасова, оставались чужды Манделъштаму.

В конце главы делаются выводы о том, какие вопросы стояли в центре диалога Манделъштама с поэтами XIX века. Указывается, что с каждым поэтом-собеседником Манделъштама связывает какая-либо основная тема, которая присутствует в любой цитате из этого поэта, как лейтмотив, сопровождает любое упоминание или намек на него.

Ш глава "Манделъштам и поэты начала XX века" состоит из 3 параграфов.

В первом параграфе рассматривается рецепция поэзии Сологуба в творчестве Манделъштама. Проблема эта почти не привлекала к себе внимания исследователей, хотя в поэзии Манделъштама встречается много стихотворений с сологубовскими цитатами и реминисценциями. Некоторые из этих цитат были отмечены ранее (например, в "Только детские книги читать...", "Дождик ласковый, мелкий и тонкий..."), и в нашем исследовании дан содержательный анализ стихотворений, где они использовались. Значительная часть цитат и реминисценций указана нами впервые ("Душу от внешних условий...", "Темных уз земного заточенья...", "На бледно-голубой эмали...", "Мой тихий сон, мой сон ежминутный...", "О небо, небо, ты мне будешь сниться..."). Подробно проанализированы стихотворения Манделъштама "Душу от внешних условий...", "Темных уз земного заточенья..." и др., установлены функции сологубовского подтекста в них.

Манделъштамом цитировались не только оригинальные стихотворения Сологуба, но и его переводы. Сологубовский перевод стихотворения Верлена *Un grand voeuil noir ...* является подтекстом для одной из редакций стихотворения "Дождик ласковый, мелкий и тонкий..." и для стихотворения "Довольно лукавить: я знаю...", но в каждом из этих произведений с сологубовским образом "ребенка в зыбке" связан разный комплекс идей: в первом случае — идея беспомощности человека перед жестокими законами бытия, во втором — идея мудрой покорности судьбе.

В параграфе отмечено, что этот образ важен и для понимания одной из характеристик, данной Сологубу Манделъштамом в статье "К юбилею Ф. Сологуба": "...сначала... мы видели в Сологубе только утешителя, бормочущего сонные слова, только искус-

ного колыбельщика, который учит забытью...". Сологуб - "утешатель"; Сологуб-"колыбельщик", как думалось в кноти Мандельштаму, учит забывать о бесцельной жестокости человеческого бытия, о том, что человек в мире так же беспомощен, как "ребенок в зюлке", и смысл его существования неизвестен никому. Но с течением времени Мандельштам открывал для себя в стихах Сологуба "волевое начало - волю к жизни, волю к бытию". Такая оценка поэзии Сологуба была для Мандельштама в какой-то мере итоговой.

Установлено, что тема диалога Мандельштама с Сологубом - мир трансцендентного инобытия в сопоставлении с миром воплощенным, материальным. К Сологубу восходят встречающиеся у Мандельштама мотивы усталости от жизни, бреда, отвержения "мира сего". Одни сологубовские образы трансформированы Мандельштамом в сторону их большей материализации, овеществления, другие получили большую, нежели у Сологуба, мистическую окраску. Глубокая постановка Сологубом проблем трансцендентного характера побуждала молодого поэта искать свой способ их разрешения. После 1912 года Сологуб более не является актуальным поэтом для творческого сознания Мандельштама, хотя некоторые аллюзии и реминисценции можно обнаружить и в более поздних его произведениях ("Кассандра", "О, как мы любим лицемерить...").

В параграфе делается вывод, что последовательный символизм Сологуба, не превращавшего символы в мертвые аллегория, игравшего с семантикой слов, но не приписывавшего им произвольных значений, импонировал будущему акмеисту Мандельштаму. Цитирование Сологуба позволяло Мандельштаму определиться в современном ему литературном процессе, однако после 1912 г. Сологуб перестал быть актуальным для Мандельштама поэтом. Это было обусловлено изменением мировоззренческих принципов поэта. Например, сологубовской идее неприятия мира, столь близкой раннему Мандельштаму, уже в 1913 году поэт противопоставляет в статье "Утро акмеизма" следующее утверждение: "... чтобы успешно строить, первое условие - искренний пиетет к трем измерениям пространства - смотреть на них не как на обузу и на несчастную случайность, а как на Богом данный дворец". Но по мере того, как Мандельштам отходил от канонов символизма, все реже встречалось в его творчестве сологубовское слово.

Второй параграф посвящен влиянию Вяч. Иванова на творчество Мандельштама. В случае "Мандельштам - Иванов" мы имеем дело с тем типом цитатности, когда "чужое слово" проявляется

отчасти в сюжетной динамике, в столкновении идей. Поэтому достаточно редко встречаются в стихах Мандельштама 1909-1910 годов лингвистически репрезентированные цитаты из Иванова. В главе рассматриваются стихотворения Мандельштама "Когда удар с ударами встречается...", "Отчего душа так певуча...", "Необходимость или разум..." и другие, в которых находится некоторый корпус идей молодого поэта, связанный с Ивановым. В стихотворении "Отчего душа так певуча..." сверхличное, неиндивидуализированное сознание оказывается связанным с довременным бытием, невоплотившимся миром: "... И, несозданный мир лелея, / я забыл ненужное "я". Вяч.Иванов считал, что выход за пределы индивидуализированного сознания, поглощение частного общим - это путь к достижению высшего творческого взлета художника. У Мандельштама же отказ от личности, индивидуальности влечет за собой отказ от творчества ("ветер Орфея" уходит, а мир остается "несозданным"). Ведь любое творчество - акт воли творческой личности, значит, тут нет места растворению, обезличиванию. На основе анализа этого и некоторых других стихотворения сделан вывод, что видимое согласие с идеями Иванова соседствует у Мандельштама с тонкой полемикой с ним. В центре диалога раннего Мандельштама с Ивановым стояла проблема отношений личности к общности. Эту проблему молодой поэт решал вовсе не в русле ивановских идей. Постсимволизм Мандельштам воспринимал как наступление "царства личности", а поскольку идея личности была осознана им в русле христианских идей, он не принимал индивидуалистического сознания символистов, как не принимал и призывов к слиянию с обезличенной стихией. Примечательно, что эта же проблема была в центре диалога Мандельштама с Тютчевым. Учитывая это, а также тот факт, что во многих стихотворениях раннего Мандельштама переплетаются ивановский и тютчевский подтексты, можно сделать вывод: тютчевская поэзия воспринималась ранним Мандельштамом в значительной мере через призму философских воззрений Вяч.Иванова. Поэтому и полемика с символистами зачастую сочеталась у Мандельштама с полемикой с Тютчевым.

В периоде " *Tristia* " источниками цитат для Мандельштама становятся поэтические произведения Иванова (как оригинальные, так и переводы). Эта проблема исследована в работах К.Ф.Тарановского и Г.А.Левинтона; в главе дано краткое изложение сде-

ланных ими выводов. "Русифицированные" переводы Иванова соответствовали взглядам самого Манделъштама на эллинскую природу русской речи. Поэтические произведения Вяч.Иванова служили Манделъштаму источниками для изображения мира античности, который в сознании поэта сближался с вневременным царством блаженства, раем.

В параграфе отмечается, что Манделъштаму была соприродна византийско-эллинская стихия творчества Иванова. Но торжественный эллинизм Иванова был вовсе не похож на бытовой "домашний эллинизм" Манделъштама. Дух "домашнего эллинизма" растворяет ивановские цитаты и образы в ткани манделъштамовских стихотворений, "осваивает" их. Манделъштам считал, что этот дух внес в русскую поэзию И.Ф.Анненский.

В третьем параграфе исследуется пласт цитат из Анненского в произведениях Манделъштама. Как представляется, влияние Анненского сказывалось не столько на образной или тематической стороне произведений Манделъштама, сколько на общей эстетической концепции, сформировавшейся у него по мере отхода от символизма.

В параграфе анализируется стихотворение "Необходимость или разум...", в котором отразилась вовлеченность Манделъштама в дискуссию об идейной программе журнала "Аполлон", происходившую между сторонниками Анненского и Иванова. Предложены новыe подтексты манделъштамовских стихотворений "Я вижу каменное небо...", "Медленно урна пустая...", восходящих, по нашему мнению, соответственно к "Сирени на камне" и фрагменту из "Амиры-Кибарада" Анненского. Дана новая интерпретация реминисценции в стихотворении Манделъштама "На площадь выбежав, свободен...". По нашему мнению, в этом стихотворении противопоставляется не столько архитектура и скульптура, сколько власть государственная и духовная. Образ "гиганта на скале" ("медного всадника") как в стихотворении Анненского, так и у Манделъштама несет ярко выраженную негативную окраску, поскольку является символом русской государственности. В "На площадь выбежав, свободен..." получили выражение антигосударственные настроения Манделъштама того времени, возможно, восприимчивые им от С.П.Кабукова. В работе интерпретирована указанная исследователем цитата из статьи Анненского "Умирающий Тургенев" в фрагменте Манделъштама "Прообразом исторического события...". Анненский считает, что жизнь, сливавшаяся с "движением часовой стрелки", - это

медленное умирание. В такой жизни не найти цели и смысла. Этот образ Анненского отнесен Мандельштамом к прогрессу, который, по его мнению, является "умиранием истории" (поскольку идея прогресса обесценивает и обесмысливает любое историческое событие).

Обосновывается мысль о том, что более всего сближало Мандельштама с Анненским отношение последнего к слову и особенно - к "чужому слову". "Органическим поэтом" называет его Мандельштам в одной из своих статей: "... весь корабль сколочен из чужих досок, но у него своя стать". Эти слова с полным правом можно было бы отнести к самому Мандельштаму. Творческий метод Анненского, названный Вяч.Ивановым (а вслед за ним и другими исследователями) "ассоциативным символизмом", был воспринят Мандельштамом в самом начале его поэтической деятельности. Даже в стихотворениях, развивающих идеи Вяч.Иванова, чувствовалась близость Мандельштама к творческому методу Анненского.

Цитат из Анненского (в узком значении слова) в поэзии Мандельштама почти не встречается: творчество Анненского представлено в его произведениях в основном реминисценциями и аллюзиями. В центре диалога Мандельштама с Анненским находятся прежде всего вопросы эстетического характера. В ряде случаев цитирование Анненского выполняет функцию закрепления в поэтическом фонде найденных этим поэтом образов.

В заключение отмечается, что Сологуб повлиял в основном на стиль и образный строй поэзии Мандельштама. Вяч.Иванов нашел отражение в его творчестве в основном в качестве мыслителя. Влияние Анненского отразилось на формировании творческого метода раннего Мандельштама, его эстетических воззрений, концепции "чужого слова".

За пределами исследования остались темы "Мандельштам и Блок", "Мандельштам и Волошин", "Мандельштам и Ахматова" и другие. К сожалению, объем диссертации не позволяет подробно рассмотреть эти темы, хотя наличие этих фрагментов органично вошло бы в текст.

В Заключении подводятся итоги исследования. В данной работе впервые в мандельштамоведении рассматривается в комплексе большинство русских источников цитат и реминисценций в

творчестве Мандельштама (ранее рассматривались только под-
тексты отдельных авторов). Диахронический анализ подтекстов у
Мандельштама позволяет проследить динамику духовной жизни Ман-
дельштама, эволюцию его философских и эстетических предста-
влений. В раннем периоде творчества Мандельштамом цитируются
преимущественно поэты-современники: Сологуб, Иванов, Аннен-
ский, а из поэтов XIX века - Тютчев. Примечательно, что Тютчев
теряет отчасти свою актуальность для Мандельштама именно в то
время, когда из сферы цитирования уходят три поэта-символиста.
Таким образом, Тютчев обличался в сознании Мандельштама с по-
этами начала XIX века, становился их современником.

В дальнейшем в произведениях Мандельштама начинают пре-
обладать цитаты из поэтов XIX века - из Державина, Батюшкова,
Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Фета. Это показывает направ-
ленность культурологических интересов Мандельштама. Он начи-
нает как символист. Цитаты из Сологуба говорят о том, какое на-
правление в символизме наиболее близко молодому поэту. Вместе
с тем он испытывает сильное влияние идей Иванова и Анненско-
го. Определив свое место среди современных ему течений, Ман-
дельштам обращается к русской классической литературе. Поэт
осознает себя хранителем ее великих традиций - поэтому закономер-
ным кажется то, что именно в конце творческого пути написан
им "Стихи о русской поэзии". Мандельштам цитировал преимуще-
ственно тех поэтов, творчество которых было отмечено двумя
чертами: цитатностью, ориентированностью на "чужие тексты"
и неким "европеизмом", т.е. тем, что было в высшей степени
свойственно самому Мандельштаму. Мандельштам цитировал как
готовые поэтические формулы, так и определенные идеи некото-
рых близких ему поэтов. Нефункциональных цитат в его творче-
стве почти не встречается. Диалогичность является основным
принципом поэтики цитатности Мандельштама.

Прислушиваясь к голосам поэтов всех времен, Мандельштам
подчинял их выбор определенной логике, отражающей его соб-
ственную индивидуальность. У Мандельштама почти не встреча-
ются примеры произвольной интерпретации чужого текста. По-
эт всегда стремился к наиболее полному выявлению скрытого в
тексте смысла. Использование "чужого слова" не размывало
личность поэта, но формировало ее. Мандельштам вел лиричес-
кий диалог, не навязывая свою точку зрения, даже не акцен-

тируя ее. Авторский голос в произведениях Мандельштама зачастую является лишь одним из звучащих в нем голосов. Только на этом пути было возможно создание "непрозрачного" дву-голосого слова", о котором писал Омри Ронен.¹

Основные положения диссертационной работы отражены в публикациях :

1. Пространство и время в поэзии О.Мандельштама 1915-1921 гг. (Ч.1) //Программа II научной конференции молодых ученых и преподавателей за 1989-1990 гг. - Харьков, 1990. - С.27.
2. Что и где читать о Мандельштаме // Проблемы изучения творчества Мандельштама в педагогическом вузе - Харьков, 1990. - С. 5-18.
3. К проблеме сквозного образа у позднего Мандельштама // Воронежский период в жизни и творчестве О.Э.Мандельштама . - Воронеж, 1991. - С.26-27.
4. Пространство и время в поэзии О.Мандельштама 1915-1921 (Ч.2) //О Мандельштаме. - Дзугавпило, 1991. - С.31-32.
5. Мандельштам и Сологуб // Проблемы автора и авторской поэзии в литературе. - Харьков, 1992. - С. 51-58.

Омри Ронен

¹ Ронен О. Лексический повтор, подтекст и смысл в поэтике Осипа Мандельштама // *Slavie Poetics. - The Hague - Paris, 1973. - P.386.*

Подписано к печати 18/XI-1992г. Заказ 610 Тираж 100

РУ ВНИИМ, Москва, Оренбургская, 15

АН УРСР

Ar 26.155

AB 26.155

